

УДК 811.161.1/81 373.614

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА В ЭТНОАРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЕГО РАННИХ (ДО XVIII ВЕКА) КОНТАКТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Гусейнов Г.-Р.А.-К.¹, Мугумова А.Л.²

¹Дагестанский государственный университет

367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а, Республика Дагестан,
Российская Федерация

²Дагестанский государственный педагогический университет

367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация

Аннотация. Со времён Золотой Орды в ранний (до XVIII в.) период своего развития кумыкский язык отличался от других нетюркских (нахско-дагестанских) языков региона более высоким уровнем своего функционального развития. Он также использовался вместе с тем в качестве основного средства межэтнического общения и русским населением края, появившимся здесь во второй половине XVI в. Цель статьи – выявить и сопоставить по степени интенсивности лексические следствия ранних (до XVIII в.) контактных взаимоотношений рассматриваемых языков. Было установлено, что, даже оказавшись в ситуации частичного двуязычия с русским языком, кумыкский оказал гораздо большее лексическое воздействие на русский язык, чем испытал с его стороны.

Ключевые слова: этноареальный контекст, историко-функциональный, русский язык, кумыкский язык, языки, взаимоотношения.

HISTORICAL AND FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE KUMYK LANGUAGE IN ITS ETHNOAREAL CONTEXT OF EARLY (BEFORE 18TH CENTURY) CONTACT RELATIONS WITH THE RUSSIAN LANGUAGE

G.-R. Guseinov, A. Mugumova

Dagestan State University

43-a Gadzhievya st., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

Dagestan State Pedagogical University

57 M. Yaragskogo st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract. Since the Golden Horde in the early (before 18th century) period of its development, the Kumyk language differed from other not-Turkic (Nakh-Daghestan) languages of the region by its higher level of the functional development. It also was used as the basic means of interethnic dialogue and the Russian population of the region which have appeared here in the second half of 16th centuries. The objective of the article is to reveal and compare by the intensity degree the lexical consequences of the early (before 18th century) contact relations of the considered

languages. It has been established, that, as consequence, even in a partial bilingualism situation with Russian, Kumyk has had a much bigger lexical influence on Russian, than vice versa.

Key words: ethnoareal context, history-functional stratification, contact mutual relations, Kumyk, Russian, languages.

Рассматриваемая проблема ещё не становилась предметом специального углублённого анализа прежде всего в контактологическом и этноареальном отношениях. Поэтому главная цель статьи – выявить и сопоставить по степени интенсивности лексические следствия ранних (до XVIII в.) контактных взаимоотношений рассматриваемых языков.

При этом только для кумыкского языка вполне реально решение одной из подчинённых ей задач – выявление ранних русизмов, усвоенных в кумыкском языке до XVIII в., так как, в отличие от соседних восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков (только аварского, лакского и даргинского), в которых зачатки арабграфичной письменности, восходящие к XV–XVI вв., получили в дальнейшем лишь ограниченное применение [24, с. 84], непрерывная традиция кумыкского литературного (письменного) языка восходит к более ранней эпохе Золотой Орды. При этом она обладала большим функциональным разнообразием и была связана с появлением, как и у других тюркских народов, художественной литературы на чагатайском (тюрки) языке. Речь, с одной стороны, идёт о творчестве скончавшегося в 1475 г. Умму Камала, первого известного на сегодняшний день кумыкского поэта – представителя тюркской суфийской поэзии и философии [4, с. 84–85], лингвистический анализ языка поэзии которого, как и другого кумыкского поэта последующего

времени – Аманхора (1660–1706), ещё ждёт своего исследования.

С другой стороны, речь идёт о таком известном памятнике кумыкской хроникальной прозы конца XVI в., как «Дербент-Наме», наиболее ранний, дошедший до нас вариант которого на тюркском (тюрки) языке относится к 1637 г. [31, с. 57] и является свидетельством функционального разнообразия в использовании последнего. О вероятной регламентации письменной формы народно-разговорного, собственно кумыкского языка свидетельствует осуществлённый, по данным Г.М.-Р. Оразаева [31, с. 59], в 1626 г. перевод «Дербент-Наме» на кумыкский язык, произведённый Абдулкасымом Абдуллой по просьбе выдающегося кумыкского государственного деятеля и полководца Султан-Мута. Другой факт аналогичного порядка, относящийся к рассматриваемому времени, – это письмо, написанное в 1578 г. кумыкским верховным правителем-шамхалом Чопаном турецкому Султану Мураду «на чистейшем кумыкском языке» [3, с. 142]. Всё это говорит о том, что уже с достаточно давних времён кумыкский письменный (литературный) язык функционировал, как и многие другие тюркские и иносистемные языки, особенно в эпоху средневековья, в ситуации диглоссии. Ей присуще стабильное сосуществование книжной (тюрки) и некнижной (собственно кумыкский) языковых систем, характеризующихся распределением

(дистрибуцией), как было отмечено, их функций.

Уже в начале рассматриваемого периода первые русские поселенцы – гребенские (терские) казаки (по данным фольклора, глубина их исторической памяти относится к XV в.) – появляются на Северо-Восточном Кавказе [9, с. 45–46], где областью их первоначального расселения, в т. ч. по данным кумыкских локализмов их говоров, становится Нижнее Притеречье [14]. По мнению некоторых историков, оно могло иметь место к середине XVI в. ввиду известности ещё в 1563 г. первого документального сообщения о казаках на Северном Кавказе [35, с. 260 комм. 2]. Известно также мнение о начале государственной службы вольных казаков с «Терека» в 1552 г., когда была взята Казань [10, с. 9], её относят и к более позднему (после 1578–1579 гг.) времени [8, с. 348].

Вследствие тесного территориального соседства, установившегося между русским и кумыкским населением, соседствовавшим с Терским городом (Терка, Тюменский город), построенным в 1588 г. в дельте Терека (ранее, в 1567–1571 и 1578 гг., он находился на р. Терек, где в устье, у впадения в него р. Сунжи, находился в 1590–1605, 1635, 1651–1653, 1670 гг. и Сунженский городок (острог) [21, с. 436–437]) можно говорить об определённой распространённости русского языка среди кумыкского населения. На это указывают данные турецкого путешественника XVII в. Э. Челеби [45, с. 115], согласно которым в кумыкском селении Эндирей, соседнем г. Терки (с допущением известного преувеличения) «всё население знает языки персов, грузин, черкесов, кумыков, руссов, лезгин».

Было бы, наверное, не преувеличением полагать, что ареально смежное зоне распространения носителей русского языка кумыкское население проживало в ситуации частичного двуязычия с их языком, и при этом нельзя не обратить внимания на данные, содержащиеся в кумыкскоязычном историко-краеведческом сочинении 1908–1916 гг. А.Г. Ибрагимова «Тарихи Кызларкала» («История Кизлярского города»). В нём говорится о вилайате Татархана, образовавшемся на месте кумыкского Тюменского владения в междуречья Кумы и Терека, достигавшего берегов Каспийского моря и существовавшего во второй половине XVII в. (до 1705 г.). Принято отождествлять его с возникшим в 1615 г. т. н. Терским вассальным княжеством, которое возглавлялось кабардинским князем Сунчалеем Янклычевичем (один из его населённых пунктов соотносят с мусульманской (Татарской) слободой г. Терки). Именно здесь, в этом вилайате, имел место не только примечательный, но и просто чрезвычайный факт: здесь, «кроме арабско-персидских, были и русские школы». Полагают, что знаменательно, речь может в данном случае идти о самой первой известной нам русской школе на Кавказе [32, с. 121–122, 171, 184 прим. 7, 191 прим. 22].

По данным А. Олеария 1638 г., «черкесы» из вышеупомянутых Терков «почти все умеют говорить по-русски» [20, с. 490]. Однако, согласно сведениям Н. Витзена, у жителей Терки язык, «общий с другими татарами и почти все умеют говорить по-русски». Но «языком и одеждой ... похожи на дагестанцев» [15, с. 9]. Но под «татарским» языком дагестанцев, как было установ-

лено сравнительно недавно, следует, в свою очередь, понимать кумыкский язык и соответственно под дагестанцами – жителей Татарской (см. выше) слободы Терков – кумыков, которым и был известен русский язык.¹

К их числу относятся и окочане – представители одного из кумыкских субэтносов [2, с. 89–90]. Они жили в одной из слобод, возникших в первой половине XVII в. в Терском городе, – Окоцкой [20, с. 331], жителям которой был известен разговорный русский язык. Не случайно, они в 1614–1621 гг. привозили в Москву разнообразные челобитные «от всех окоцких жилецких людей» [20, с. 347].

Однако, по данным на 1587 г., у окочан «грамоты татарским письмом и русским [последнее вставлено над строкой(!)] прочести [было] некому» [35, с. 14], т. е. им, в отличие от жителей Татарской слободы, не были известны письменные разновидности этих языков. Не случайно и в XVII в. челобитные окочан писались терски-ми подъячими [26, с. 99].

Именно сам факт наличия письменности, кумыкских памятников делового стиля позволяет, в отличие от других языков региона, хронологизировать в них русизмы. Причём показательным в данном отношении является то, что они обнаруживаются в оригиналах (тюркиязычных [33, с. 52–53]) писем XVII в., адресованных русским царям, не только князей

кумыкского Эндиреевского владения (1634, 1648, 1653 гг.), которое находилось в непосредственной территориальной смежности с Терками, но и шамхала Тарковского (1642 г.). Речь, в принципе, идёт об арабографичной деловой корреспонденции, в которой по преимуществу получили отражение термины социально-политического характера. Например, такие из них, как *вайвад*, *вайвада* ‘воевода’, *киназ* ‘князь’ (у голландского географа Витсена (1692 г.) в составе освоенных русскими языковыми средствами онимов ‘Шолохофф Кнасс’ и ‘Мендаров Кнасс’, между которыми с гор стекает Терек [15, с. 17]), *мужук* ‘мужик’, *киристан* ‘христианин’, *орус* ‘русский’, *городок* ‘городок’, *истерледж* ‘стрелец’ и др. Аналогичным образом передаётся русская ономастика в тех же документах: имена русских царей *Аликсай Михайлавидж* (*Михайлâвич* [33, с. 268]) ‘Алексей Михайлович’, *Михайла Федравидж* ‘Михаил Федорович’, а также имя и отчество астраханского воеводы *Михаил Петрович, Маскав* ‘Москва’. Полагают, что данные факты «свидетельствует о том, что заимствование в XVI в. не было явлением узколокальным или эпизодичным, а было довольно распространённым явлением» [30, с. 83]. Тем самым можно говорить о так и не развившемся вплоть до советского времени двуязычии с русским языком.

Русизмы отмечаются и позднее. К ним относятся: содержащая показатель кумыкского дательного падежа форма *кинâз Йуван Педравич-ге* ‘князю Ивану Петровичу’ (астраханский воевода), а также *вайвада* и *истерледж* в письме князей Эндирея (1654 г.) [33, с. 268 комм. 99–100, с. 269–270]. Обращает на себя внимание лексема *орус*

¹ См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. К истории отражения концептов «Дагестан», «дагестанцы», «дагестанские татары» и «кумыки» в русской и западноевропейской языковых картинах мира до начала XIX века // Материалы Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казань, 2008. С. 64–67.

(см. выше) из грамоты 1657 г., отправленной в Москву из области Шибут, где ещё было известно кумыкское население, но куда уже начали к этому времени проникать носители чеченского языка¹.

Подобные русские лексические формы (ср. *диэк* 'дьяк' и *Мэскэв* 'Москва'), встречаются и в (не в татаро-, а, возможно, тюркиязычных, на наш взгляд) документах русских посольств (1650–1654 гг.) в Грузию и Имеретию. Они были направлены правителям целого ряда княжеств Северного Кавказа (кроме собственно кумыкских *Қомуқа* и *Қайдақа*, *Чиркэс* 'Черкесия' и *Дагыстан* 'Дагестан', контекст использования последнего из которых будет подвергнут в дальнейшем дополнительному рассмотрению), а также шаху Ирана Аббасу [43, с. 90–91, 104–105].

Кроме того, сам факт их написания на тюрки является ещё одним подтверждением большей, чем местные языки, функциональной развитости в регионе его кумыкской (северокавказской) разновидности, к числу особенностей которой, отличающей её от других – поволжской и среднеазиатской, не случайно относится «довольно большой пласт» русизмов [33, с. 58].

Можно полагать, рассмотренные ранее русизмы, которые уступают в отношении своей численности кумыкским и ногайским заимствованиям русского, стали принадлежностью письменной тюркиязычной (кумыкской) речи XVII в. в рассматриваемом ареале. В большинстве своём они уже утрачены, за исключением *орус* 'рус-

ский' и *мужукъ* 'мужик', как указывают данные «Русско-кумыкского словаря» [34, с. 530, 261].

Можно полагать, что о сравнительно высокой интенсивности русского словесного воздействия рассматриваемого периода, отразившейся в письменных памятниках, говорят и иные наддиалектные русские лексические формы общенародного кумыкского языка. Соответствующие русские словесные элементы обнаруживаются в одной переведённой ещё до революции кумыкской героической песне (йыре), посвящённой Султан-Муту (Султан-Махмуду), который был первым правителем кумыкского Эндиреевского княжества в период конца XVI–начала XVII вв., когда имели место многочисленные кумыкско-московские войны, в которых прославился этот знаменитый полководец.² В песне говорится не только о «белокурых (сари) русских» (орус), но и о командовавшим русским войском боярине, который был взят в плен. Этот соционим получил отражение и в другой героической казачьей песне-йыре (героями подобных песен являются кумыкские казаки, занимавшиеся набегами), передаётся в южнорусском акающем звучании, но с кыпчакской характерной для кумыкского языка заменой аналаутного б->м- [18, с. 40; 41, с. 262]: «... Женой-добычей стала для тебя бояр (*маярланы*) дочь ...» [27, с. 242].

К числу устных общенародных вариантов русизмов, усвоенных кумыкским языком до XVIII в., следует отнести кумыкское название одной из

¹ См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шубут (опыт историко-этимологического и этнографического анализа) // Вопросы тюркологии. 2007. С. 29–38.

² См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. К предистории распространения русского языка в Дагестане // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 5–18.

разновидностей нарядного женского платья в кумыкском языке – *полуша*, которое шили из дорогого шёлка и бархата [13, с. 234–235] (> *полушаь* ‘женский полушубок’ в брагунском говоре терского диалекта кумыкского языка [29, с. 103]).

Источником этого наименования могло послужить русское название полушёлковой ткани из смеси шёлка с бумагой или шерстью XVI–XVII вв. – *полушелковица* в адъективной форме *полушёлковый* [40, с. 277–278]. Она изготавливалась в Турции на бумажной основе с крупным узором в XV–XVIII вв. [8, с. 9] и могла покупаться кумыками на больших базарах, которые проходили в XVII в. два раза в неделю в городе-крепости Терки у русских торговцев. У них также бывали в продаже изделия с Востока [1, с. 33–34]. Ср. русское по происхождению кум. браг. (говор терского диалекта) *шалкавай* ‘шёлковый’ при общекум. (лит.) *чилле*, *йибек* «шёлк» [29, с. 103] в условиях, когда носители данного говора с конца XVII в. локализуются недалеко от Терского города при устье р. Сунжи, впадавшей в Терек, находясь тем самым рядом с ареалом проживания носителей терских русских говоров [11, с. 13].

Ещё одним существенным свидетельством, требующим внимания и поддерживающим отмеченные функциональные особенности кумыкского языка, проявляющиеся в его контактных взаимоотношениях с русским языком, является наличие в первом лексических форм терских русских диалектов. В частности, в кумыкском йыре о христианском (*крестиян*) богатыре («батыре») *Дударе* из одноименного кумыкского йыра [28, с. 88] (ср.

русск. разг. *Дудор*) лексема *крестиян* поддерживается уже упоминавшимся выше вариантом *киристан* ‘христианин’ из тюркиязычных синхронных памятников. Данный вариант не фиксируется в «Кумыкско-русском словаре» при том, что лексема *крестиян* из йыра не отмечается в «Русско-кумыкском словаре» с ожидаемой семантической *христианин* [34, с. 643], тогда как в XVI–XVII в. значение *христианин* передавалось в русском языке словами *крестьян/крестьянин* [39, с. 49]. Одно из этих слов и получило, следует полагать, отражение в кумыкском йыре, свидетельствуя тем самым о том, что соответствующий контакт имел место. Это предположение мотивируется ещё и тем, что данная форма, в отличие, например, от чеч. *керста*, инг. *кераста* ‘христианин’, усваивается в характерном для нижнетерских, как и гребенских [7, с. 8], говоров икающем произношении, присущим с конца XVII в. и для старомосковского говора [25, с. 197].

Аналогично в диалектном языке кумыкское терское *ванда* ‘прутяная сеть’ [23, с. 123] (кум. лит. *четен тор*), известное брагунскому [29, с. 103] и кизлярскому [42, с. 78] говорам в форме *ванда*, можно считать терским русским усвоением, прежде всего, из нижнетерских говоров – греб. *ванда* ‘вентерь, рыболовная снасть для ловли крупной рыбы» [22, с. 52] при известности данного слова и среднетерским говорам (ср. наурск. *ванды* ‘самоловки для рыбы’ [12, с. 76]). Слово имеет сравнительно широкую сферу ареального распространения в русских говорах, будучи представленным в донских [36, с. 54], нижегородских, астраханских (*ванта*) [17, с. 163], волжских, ка-

занских, архангельских, вологодских, вятских, пермских и сибирских говорах [37, с. 16].

Его источником является мар. *ванды* 'стебель, тростинка' [19, с. 106] (мнение о его германском происхождении представляется менее убедительным [44, с. 271]), впервые отмечено в адъективной форме *ванделый* в 1667 г. также в волжской зоне (Симбирск) [38, с. 16]. В общекумыкском языке, в отличие от кум. терск. *вIанда*, оно известно в более поздней форме *манна* 'верша' (<*манда *банда < *ванда*, ср. выше *баяр* > *маяр*). Данное обстоятельство позволяет предполагать более раннее, до указанного времени, бытование данного слова в русских говорах, так как соответствующий первоначальный контакт мог иметь место в терской зоне. Лексема *ванда* первоначально могла быть усвоена до 1667 г. из марийского языка в ареально смежные зоны распространения марийского языка в северно- и среднерусские (волжские) говоры, а затем привнесена на Терек первыми русскими поселенцами, каковыми являются здесь гребенские казаки. Тот факт, что начало переселения с гор чеченцев в нынешние равнинные области их проживания относится лишь к первым десятилетиям XVIII в. [14, с. 209–210], позволяет полагать, что ограниченно представленное в чеченских диалектах чеч., чеб. *ванда*, итум. *вонд* 'перемет, закидушка' [5, с. 229–230] имело своим непосредственным источником кум. браг. *ванда*. Сравнительно ограниченное влияние на кумыкский язык терских русских говоров, указывающее на

сравнительную слабость соответствующих контактов в этой ипостаси их языковых взаимоотношений, может быть объяснено недавним временем их установления, так как «складывание постоянного казачьего войска на Тереке, осёдлость здесь русского населения относится, скорее всего, к середине XVII века» [6, с. 351].

Таким образом, в силу развитой функциональной стратификации кумыкского языка наддиалектное русское лексическое влияние, отразившееся в датированных памятниках его письменности, оказалось достаточно разнообразным и гораздо более интенсивным, чем терское русское диалектное, ограничившееся, в принципе, словом *ванда* (см. выше). Однако говорить при этом о наличии русского адстрата в кумыкском языке не приходится, так как соответствующее воздействие, как было показано в предшествующем изложении, не отразилось в его основном словарном фонде, несмотря на отмеченную ситуацию частичного двуязычия с русским языком, в которой находились в рассматриваемый период носители кумыкского языка.

Обратное лексическое воздействие местных тюркских (кумыкского и ногайского) на русский язык, в том числе и в лице местных терские говоров, оказалось гораздо более интенсивным, чем рассмотренное русское. Данное обстоятельство объясняется большей, включая письменную сферу коммуникации, распространённостью в регионе названных тюркских, прежде всего, кумыкского языков [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII–первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 153 с.
2. Алиев К.М. Тайны кумыкской этнонимии (этнонимические этюды) // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2002/2003. Вып.8–10. С. 84–90.
3. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. 27 с.
4. Алиев С. Умму Камал // Возрождение. 1999. № 5. С. 84–85.
5. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. 83+3 с.
6. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до конца XVIII в. М.: Мир дому твоему, 2001. 426 с.
7. Бенская Э.Я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области (фонетическая система и морфологический строй): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 20 с.
8. Большая советская энциклопедия, 3 изд. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 26. 622 с.
9. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с.
10. Виноградов В.Б. «Гребенские» казаки и «чеченская» плоскость // Материалы аспирантско-преподавательских семинаров «На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия». 2000. Вып. 3. С. 3–15.
11. Виноградов В.Б., Магомадова, Т.М. Брагунцы. Кто они и откуда? // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2002. Вып. 1. С. 13–15.
12. Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1907. Вып. 37. С. 72–95.
13. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Издательство АН СССР, 1961. 387 с.
14. Гусейнов Г.-Р.А.-К. О территориальных пределах Эндиреевского владения в эпоху Султан-Махмуда // Материалы Международной научной конференции «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI–первая половина XVII вв.)». Махачкала, 2010. С. 220–232.
15. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Тюркские (турецкий и «татарский») языки в истории межъязыковой коммуникации на Северном Кавказе и в творчестве русских писателей, посвящённом Кавказу. Грозный, 1993. 50 с.
16. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Лексические формы терских говоров в общем контексте позднесредневекового влияния тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана на русский язык // Тезисы докладов Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе». М.: Институт русского языка РАН. 2015. С. 51–53.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 699 с.
18. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Восточная литература, 2007. 223 с.
19. Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Советское финно-угроведение. 1969. Вып. V. № 2. С. 95–114.

20. История народов Северного Кавказа: с древнейших времён и до конца XVIII в. / отв. ред. В.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.
21. Кабардинско-русские отношения в XVI–XVII вв. Документы и материалы. В 2 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. XVI+ 488 с.
22. Караулов М.А. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1907. Вып. 37. С. 103–109.
23. Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. 154 с.
24. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 207 с.
25. Колесов В.В. История русского языка. М., СПб.: Academia, 2005. 669 с.
26. Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов в XVII веке (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 99–110.
27. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала, 1991. Т. I. 635 с.
28. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала, 2002. Т. II. 459 с.
29. Ольмесов Н.Х. Брагунский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 1994. 142 с.
30. Оразаев Г.М.-Р. Ранние русизмы в языке кумыков (XVII в.) // Тезисы конференции аспирантов и молодых учёных Института востоковедения АН СССР. 1981. Т. 2. С. 82–84.
31. Оразаев Г.М.-Р. «Дербент-Наме» – замечательный памятник кумыкской литературы // Адабият Дагестан. 1989. № 3. С. 54–58.
32. Оразаев Г.М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках. Махачкала: Эпоха, 2003. Кн. 1. 331 с.
33. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: Дагестанский научный центр Российской академии наук, 2007. 322 с.
34. Русско-кумыкский словарь / под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997. 728 с.
35. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Сборник документов / сост. Кушева Е.Н. М.: Восточная литература, 1997. 416 с.
36. Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1975. Т. I. 171 с.
37. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 343 с.
38. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 2. 319 с.
39. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 351 с.
40. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16. 294 с.
41. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные конструкции / отв. ред. Тенишев Э.Р. М.: Наука, 2002. 767 с.
42. Хангишиев Ж.М. Къумукъ диалектологиясы. Магъачкъала, 1989. 81 с.
43. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI–начало XIX вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1999. 408 с.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. I. 562 с.
45. Челеби Эвлия. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 288 с.

REFERENCES

1. Akbiev A.S. *Kumyki. Vtoraya polovina XVII–pervaya polovina XVIII veka* [Kumyks. The second half 17th – first half 18th century]. Makhachkala, Dagestan book publishing house, 1998. 153 p.
2. Aliev K.M. [Mysteries of the Kumyk ethnonym (ethnonymic etudes)]. In: *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [News of the Kumyk Scientific and Cultural Society]. 2002/2003, vol. 8–10, pp. 84–90.
3. Aliev K.M. *Shaukhaly Tarkovskie. Stranitsy kumykskoi rodoslovnoi* [Chouhali Tarkovsky. Pages of Kumyk pedigree]. Makhachkala, Republican newspaper and magazine printing house, 2008. 27 p.
4. Aliev S. [Ummu Kamal]. In: *Vozrozhdenie* [Renaissance], 1999, no. 5, pp. 84–85.
5. Aliroev I.Yu. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov* [Comparative dictionary of special vocabulary of the Chechen and Ingush languages and dialects]. Makhachkala, the Chechen-Ingush publishing house, 1975. 83+3 p.
6. Akhmadov Ya.Z. *Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of Chechnya from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow, Mir domu tvoemu Publ., 2001. 426 p.
7. Benskaya E.Ya. *Govor stanitsy Saryi Shchedrin Groznenskoj oblasti (foneticheskaya sistema i morfologicheskii stroi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The dialect of the village of Old Shchedrin in Grozny region (phonetic system and morphological structure): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1955. 20 p.
8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1977. Vol. 26. 622 p.
9. Velikaya N.N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Ciscaucasiain the 18-19th centuries]. Rostov-on-don, 2001. 278 p.
10. Vinogradov V.B. [“Greben” Cossacks and “Chechen” plane]. In: *Materialy aspirantsko-prepodavatel'skikh seminarov “Na styke gor i ravnin: problemy vzaimodeistviya”* [Materials of post-graduate and teaching seminars “At the junction of mountains and plains: problems of interaction”], 2000, no. 3, pp. 3–15.
11. Vinogradov V.B., Magomadova T.M. [Brauguns. Who are they and where from?]. In: *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [News of the Kumyk Scientific and Cultural Society], 2002, no. 1, pp. 13–15.
12. Vostrikov P. [Beliefs, signs and superstitious customs of the Naurians]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [A collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus], 1907, no. 37, pp. 72–95.
13. Gadzhieva S.Sh. *Kumyki* [Kumyks]. Moscow, Academy of Science of USSR Publ., 1961. 387 p.
14. Guseinov G.-R.A.-K. [On the Territorial Limits of the Endireevsky Possession in the Sultan-Mahmud Age]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Endireevskii vladetel' Sultan-Makhmud Tarkovskii v istorii rossiisko-kavkazskikh vzaimootnoshenii (vtoraya polovina XVI–pervaya polovina XVII vv.)”* [Proceedings of the International Scientific Conference “Endireevsky Governor Sultan-Mahmud Tarkovsky in the history of Russian-Caucasian relations (second half of the 16th, first half of the 17th centuries).”]. Makhachkala, 2010. pp. 220–232.
15. Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. *Tyurkskie (turetskii i “tatarskii”) yazyki v istorii mezh'yazykovoi kommunikatsii na Severnom Kavkaze i v tvorchestve russkikh pisatelei, posvyashchennom Kavkazu* [Turkic (Turkish and “Tatar”) languages in the history of

- interlingual communication in the North Caucasus and in the works of Russian writers dedicated to Caucasus]. Grozny, 1993. 50 p.
16. Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. [Lexical forms of Terek dialects in the general context of the late medieval influence of the Turkic languages of the North-Eastern Caucasus and Dagestan on the Russian language]. In: *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope"* [Abstracts of the International scientific conference "Actual problems of Russian dialectology. The 100th anniversary of the publication of Dialectological map of the Russian language in Europe"]. Moscow, Institute of Russian language of Russian Academy of Science Publ., 2015. pp. 51–53.
 17. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981. Vol. 1. 699 p.
 18. Dybo A.V. *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov* [Linguistic contacts of early Turks]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 223 p.
 19. Ivanov I.G. [Mariksky lexical borrowings in the Russian dialects of the Vyatka region]. In: *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies], 1969, vol. V, no. 2, pp. 95–114.
 20. Piotrovskii V.B., ed. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza: s drevneishikh vremen i do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus: from ancient times to the late 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 544 p.
 21. *Kabardinsko-russkie otnosheniya v XVI–XVII vv. Dokumenty i materialy* [Kabardian-Russian relations in the 16–17th centuries. The Documents and materials]. Moscow, Publishing house of Academy of sciences of USSR, 1957. XVI+ 488 p.
 22. Karaulov M.A. [Speech of Grebensky Cossacks. Words borrowed from Turkish-Tatar adverbs]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnosti i plemen Kavkaza* [A collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus], 1907, no. 37, pp. 103–109.
 23. Kerimov I.A. *Ocherki kumyjskoi dialektologii* [Essays of Kumyk dialectology]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1967. 154 p.
 24. Klimov G.A. *Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie* [Introduction to the Caucasian linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 207 p.
 25. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian language]. Moscow, St. Petersburg, Academia Publ., 2005. 669 p.
 26. Kusheva E.N., Usmanov M.A. [On the question of the social structure of the Vainakhs in the 17th century (Letter of 1657 from Shibutsky Jamaat to Tsar Alexei Mikhailovich)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1978, no. 6, pp. 99–110.
 27. *K"umuk"lany iyrlary* [Kumuklani yirlari]. Makhachkala, 1991. Vol. I. 635 p.
 28. *K"umuk"lany iyrlary* [Kumuklani yirlari]. Makhachkala, 2002. Vol. II. 459 p.
 29. Ol'mesov N.Kh. *Bragunskii govor i ego mesto v sisteme dialektov kumyjskogo yazyka* [Braguns dialect and its place in the system of the dialects of the Kumyk language]. Makhachkala, Dagestan State University Publ., 1994. 142 p.
 30. Orazhev G.M.-R. [Early Russianisms in the language of the Kumyks (17th century)]. In: *Tezisy konferentsii aspirantov i molodykh uchenykh Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Proceedings of international conference of postgraduate students and young scientists of the Institute of Oriental studies, USSR Academy of Sciences], 1981, vol. 2, pp. 82–84.
 31. Orazhev G.M.-R. ["Derbent-Name" – a remarkable monument of Kumyk literature]. In: *Adabiyat Dagestan* [Literature of Dagestan.], 1989, no. 3, pp. 54–58.
 32. Orazhev G.M.-R. *Istoricheskie sochineniya Dagestana na tyurkskikh yazykakh* [Historical writings of Dagestan Turkic languages] Makhachkala, Epokha Publ., 2003. Vol. 1. 331 p.

33. Orazhev G.M.-R. *Tyurkoyazychnaya delovaya perepiska na Severnom Kavkaze XVII–XIX vv. (Issledovanie, teksty i kommentarii)* [Turkic-speaking business correspondence in the North Caucasus 17-19th centuries. (Study, texts and comments)]. Makhachkala, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 322 p.
34. Bammatov B.G., ed. *Russko-kumyckii slovar'* [Russian-Kumyk dictionary]. Makhachkala, 1997. 728 p.
35. Kusheva E.N., comp. *Russko-chechenskie otnosheniya. Vtoraya polovina XVI–XVII vv. Sbornik dokumentov* [Russian-Chechen relations. The second half of the 16–17th centuries Collection of documents]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 416 p.
36. *Slovar' russkikh donsikh govorov* [Dictionary of Russian Don dialects]. Rostov-on-Don, Rostov State University, 1975. Vol. I. 171 p.
37. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, iss. 4. 343 p.
38. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv* [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1975, iss. 2. 319 p.
39. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1981, iss. 8. 351 p.
40. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, iss. 16. 294 p.
41. Tenishev E.R., ed. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: regional'nye konstruktii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages: a regional constructions]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 767 p.
42. Khangishiev Zh.M. *K"umuk" dialektologiyasy* [Kumyk dialectology]. Makhachkala, 1989. 81 p.
43. Khisamova F.M. *Tatarskii yazyk v vostochnoi diplomatii Rossii (XVI–nachalo XIX vv.)* [Tatar language in the Eastern diplomacy of Russia (the 16th – early 19th centuries.)]. Kazan, Master-Lain Publ., 1999. 408 p.
44. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress Publ., 1964. Vol. 1. 562 p.
45. Chelebi Evliya. *Kniga putestviya* [Book of travel]. Moscow: Nauka Publ., 1979, iss. 2. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета;
e-mail: garun48@mail.ru;

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета;
e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian language, Daghestan State University;
e-mail: garun48@mail.ru

Anna L. Mugumova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Theory and History of the Russian language, Daghestan State Pedagogical University;
e-mail: garun48@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Историко-функциональная стратификация кумыкского языка в этноареальном контексте его ранних (до XVIII века) контактных взаимоотношений с русским языком. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 49–61
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61

FOR CITATION

Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. Historical and functional stratification of the Kumyk language in its ethnoareal context of early (before 18th century) contact relations with the Russian language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 49–61
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61